

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛАВЯНСКИХ ТРАДИЦИЙ В ВОСТОЧНЫХ КАРПАТАХ (НА ПРИМЕРЕ ДЕМОНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ)*

Марина Михайловна Валенцова —

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: mvalent@mail.ru

Аннотация

Славяно-неславянские контакты в карпатском регионе давно привлекали внимание исследователей. Взаимодействию же славянских традиций уделялось меньше внимания. Трудности исследования близкородственных традиций очевидны. Вместе с тем понимание конвергентных процессов между ними, направления культурных заимствований и т. п. могут предоставить дополнительные сведения по истории исследуемых народов и развитию их языков. Анализ демонимов позволяет сделать предварительные заключения о процессах интерференции и культурного обмена в широкой полосе пограничья Польши и Словакии в Восточных Карпатах, куда с XIV в. продвигалось восточнославянское население (русины, или лемки). Подробный анализ некоторых демонимов с учетом их формы и семантики, ареалов, этимологии показал, что, например, термин *boginka* 'лесная женщина, похищающая детей' следует отличать от *bohňa* 'знахарка, ведунья' и что существует другая возможность этимологизации слова *boginka*, перенесенного с польской языковой территории и распространившегося в этом регионе. Общеславянский термин с корнем **jeg-* (*баба Яга, ježibaba* и др.) демонстрирует формальные и семантические различия в восточно-, западно- и южнославянской группах языков. Карпатские русины со временем восприняли западнославянский вид и значение слова (*hindžibaba* 'ведьма, дикая женщина'). Из польской демонологии попал к словакам и русинам персонаж с названием *tatuna*. Удивительным образом русины практически не восприняли западнославянский образ *моры / мары*; последний остался в целом в рамках восточнославянских рефлексий и огласовок корня (*мара*). Анализировались и другие термины. В целом можно констатировать, что, несмотря на общий карпатский слой, национальные славянские демонологии в Восточных Карпатах отчетливо различаются, они мало смешиваются и редко заимствуют друг у друга имена и образы.

Ключевые слова

Этнолингвистика, славянская демонология, Восточные Карпаты, культурная интерференция, заимствования, словаки, поляки, русины

Статья поступила в редакцию 27 октября 2020 г.

Цитирование: Валенцова М.М. Взаимодействие славянских традиций в Восточных Карпатах (на примере демонологической лексики) // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2020. Т. 15. № 3–4. С. 145–159.

* Авторская работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 17-18-01373 «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистический аспект».

THE INTERACTION OF SLAVIC TRADITIONS IN THE EASTERN CARPATHIANS (ON THE MATERIAL OF DEMONOLOGICAL VOCABULARY)

Marina M. Valentsova,

Ph.D., Senior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky prospect, 32A,
Moscow, 119334 Russia
E-mail: mvalent@mail.ru

Abstract

Slavic-non-Slavic contacts in the Carpathian region have long attracted the attention of researchers. Less attention has been paid to the interaction between different Slavic traditions. The difficulties of studying closely related traditions are obvious. At the same time, understanding of the convergent processes between them, the direction of cultural borrowing, etc., can provide additional information on the history of the studied peoples and the development of their languages. The analysis of demonyms allows us to draw preliminary conclusions about the processes of interference and cultural exchange over a wide area of the borderlands of Poland and Slovakia in the Eastern Carpathians, where in the 14th century the East Slavic population (Rusyns, Lemkos) developed. A detailed analysis of some demonyms, taking into account their form and semantics, distribution areas, and etymology, showed that, for example, the term *boginka* ‘forest woman abducting children’ should be distinguished from *bohina* ‘healer, sorceress’, and that there is another etymological possibility for the word *boginka*; that it spread in the region from the Polish-speaking areas. A common Slavic term with the root **jeg-* (*baba Yaga, jeźibaba*, etc.) demonstrates formal and semantic differences in the East, West, and South Slavic language groups. The Carpathian Rusyns eventually adopted the West Slavic look and meaning of the word (*hindźibaba* ‘witch, wild woman’). From Polish demonology, a character called *mamuna* came to the Slovaks and Rusyns. Surprisingly, the Rusyns were practically unaffected by the West Slavic image of the *mora / mara*; the latter remained generally within the framework of East Slavic reflections and root vowels. Other terms were also analysed. In general, it can be stated that despite the common Carpathian layer, the national Slavic demonologies in the Eastern Carpathians are distinctly different; they do not mix much and do not easily borrow names and images from each other.

Keywords

Ethnolinguistics, Slavic demonology, Eastern Carpathians, cultural interference, borrowings, Slovaks, Poles, Rusyns

Received 27 October 2020.

How to cite: Valentsova, M.M., 2020. Vzaimodeistvie slavianskikh traditsii v Vostochnykh Karpatakh (na primere demonologicheskoi leksiki) [The Interaction of Slavic Traditions in the Eastern Carpathians (On the Material of Demonological Vocabulary)]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 15, no. 3–4, pp. 145–159.

Карпаты — регион уникальный, в том числе в этнолингвистическом и этнокультурном отношении. В данной работе нас будет интересовать северо-восточная часть Карпатской дуги, та область словацко-польского пограничья, где с начала XIV в. проходила валашская колонизация и восточнославянская экспансия с образованием широкой полосы древнерусского населения, получившего название русин, руснаков или, позже, лемков.

Речь пойдет о демонологической лексике и верованиях в этом регионе контакта сформировавшихся славянских этносов — польского, словацкого, карпатоукраинского, русинского. К анализу привлекается материал по демонологии русин Восточной Словакии (словац. *rusini*, *rusnaki*), компактно проживающих в округах Снина, Михаловце, Медзилаборце, Свидник, Стара Любовня и некоторых других, и лемков (пол., словац. *lemki*)¹, проживавших в юго-восточных областях Польши — в повятах сондецком, горлицком, ясельском, кросненском, саноцком и отчасти лесковском² (после войны, в 1945–1946 гг., массово выселенных на Украину или переселенных в северные, в том числе приморские, части Польши). Русинские черты заметны также у гуралей (пол. *górali*, словац. *gorali*), проживающих в горных областях Западных Карпат по обе стороны словацко-польской границы.

Хотя русины Польши и Словакии в статье рассматриваются как единое целое, но, поскольку важным оказывается их восточнославянский генезис в противоположность западнославянскому, а также их отличие от западноукраинских групп (бойков, гуцулов, галичан), надо всё же отметить, что эти субэтноты русин различаются. В первую очередь в связи с тем, что территории их проживания заселялись в разное время разными восточнославянскими группами; кроме того, русинские территории внутренней и внешней стороны Карпат имеют, по словам М.Ю. Дронова, «принципиально разные исторические судьбы», а главное — у русин Пряшевщины в Словакии отсутствует лемковское самосознание³. С одной стороны, Казимеж Мошиньский отмечал определенную культурно-языковую общность горского населения Карпат⁴. С другой стороны, для лемковского населения исследователи отмечали значительную изолированность: «Своеобразные черты материальной и духовной культуры придают лемкам характер особой, индивидуальной группы, отличая их от соседей», они «привязаны к традиционным формам жизни», не воспринимают внешние влияния, нелегко

¹ В статье восточнославянское население Польши и Словакии называется общим термином *русины*.

² *Smoleński J. Łemkowie i Łemkowszczyzna // O Łemkowszczyźnie / pod red. W. Goetla. Odbitka z XIII rocznika "Wierchów". Kraków: Towarzystwo Tatrzańkie w Krakowie, 1935. S. 7.*

³ *Дронов М.Ю. Лемки и Лемковщина. Страницы истории и культуры самой западной Руси // Вестник Юго-Западной Руси. 2006. № 1. С. 93.*

⁴ *Moszyński K. Niektóre przyczyny różnicowania kultury ludowej w Polsce // Lud słowiański. 1938. T. 4. S. 65B. Здесь и далее перевод на русский автора статьи.*

ассимилируются с соседями. Сёла чисто лемковские соседствуют с чисто польскими, смешанные поселения отсутствуют. Но на востоке на основе общего этноязыкового фона есть переходный пояс между Лемковщиной и Бойковщиной⁵.

Что касается языка, то «карпаторусинские диалекты относятся к восточной группе славянских языков и представляют собой продолжение западной части украинского диалектного континуума». Многие свойственные им специфические черты «обязаны польско-восточнословацко-русинским (и, шире, западноукраинским) контактам. В наибольшей степени эти контакты сказались на лемковских диалектах... Широко представленная в карпаторусинских диалектах ареальная лексика часто имеет западнославянское происхождение»⁶. В северных (лемковских) говорах меньше венгерских заимствований, чем в русинских говорах южнее Карпат, зато больше немецких слов; на оба идиома не воздействовали нивелирующие тенденции украинского литературного языка, зато значительно воздействуют польский и словацкий⁷.

Анализируя демонологическую лексику с точки зрения ее сохранности, интерференции, направления заимствований, необходимо учитывать эти и другие общие (исторические, социально-политические, этнографические, лингвистические) и специальные сведения, такие как диалектные различия самой праславянской демонологии, формирование и распространение общекарпатских элементов в сфере верований и в лексике. Безусловно, необходимы хорошее знание привлекаемых традиций, включая их ареальные варианты; ареальная и диалектная оценка исследуемых компонентов; оценка частотности исследуемых элементов в каждой из традиций; оценка уникальности или системности каждого элемента народной демонологии; учет разного поведения в ситуации контакта (например, скорости заимствования) слова (термина) и мотива, обычая или поверья.

Ниже представлены результаты анализа некоторых русинско-западнославянских взаимовлияний в мифологической лексике и связанных с ней верованиях.

1. **Богиня, богинка.** Лексема *богиня* является общеславянской, это производное с аффиксом *-yni* от **bogъ* со значением ‘богиня’ (только для словацкого дается второе значение ‘колдунья’)⁸. Имя *богиня* и *богинка* для

⁵ *Smoleński J. Łemkowie i Łemkowszczyzna... S. 8.*

⁶ *Скорвид С.С. Русинский язык // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2017). URL: <https://bigenc.ru/linguistics/text/3520873> (дата обращения: 16.10.2020).*

⁷ *Kyrály P. Maďarské a nemecké slová vo východoslovenských a ukrajinských nárečiach Východného Slovenska // Studia Russica XXIII / red. L. Jászay, A. Zoltán. Budapest: ELTE, 2009. S. 73–74.*

⁸ *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 2. М.: Наука, 1975. С. 163.*

обозначения мифологического персонажа (далее — МП) характерно лишь для южнопольского и севернословацкого ареала: пол. *boginka, bogunka, bogenka, bogina, bogiña, bohynia, bogna*⁹, словац. *bohíňa, bohuňa, bohynka, bohinka, boginka*¹⁰, хотя спорадически встречается и в других зонах Малопольши, а также в южной Мазовии¹¹.

По рассказам из карпатского региона, богинки подменивали детей, а на их место подбрасывали своих — плаксивых и прожорливых (спишские гуралы)¹², в Татрах они сбивали людей с пути, вытворяли с ними шутки, хотя могли и помогать; по описанию из Закопане, жившие в глухих лесах богинки — красивые и сильные девицы с большими грудями, которыми они хлопали по воде и завлекали молодых парней, и парни, попав к ним, должны были до изнеможения целовать и миловать богинок¹³. Нередко богинам (*boginy*) в рассказах из разных мест Малопольши приписывается функция давить во сне и сосать у спящих грудь, высасывать кровь. Диал. малопол. *boginy, boginki* — это МП, живущие у рек, уродливые, маленькие, с большими грудями, подменивающие младенцев. Как демонические существа, живущие в лесах, болотах, у рек, известны на Ораве и в регионах, прилегающих к северному Спишу¹⁴.

Словацкие богинки также известны в поверьях Оравы, Спиша и особенно Замагурья; описываются как злые уродливые существа высокого роста, иногда поросшие шерстью, с телесными уродствами, с большими грудями, которые они забрасывают за спину; живут в скалах, на болотах, крадут и подменивают здоровых человеческих детей своими уродливыми¹⁵. Учитывая распространение в Словакии этих МП с характерным набором признаков и именем лишь в северных горных регионах, пограничных с Польшей, в то время как в самой Польше они известны и в более северных областях вплоть до Мазовии, можно считать словацкие представления о богинках обусловленными польским влиянием.

У русин это особый персонаж, имеющий и черты польских и словацких богинок, и черты, им не свойственные, но отмечаемые, например, у южных славян (возможный реликт валашской миграции с Балкан): русин. *богыня* — старая косматая женщина, живущая в лесах или скалах; после захода

⁹ *Dźwigoł R. Polskie ludowe słownictwo mitologiczne. Kraków: Wydawnictwo naukowe Akademii pedagogicznej, 2004. S. 171.*

¹⁰ *Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska / ved. red. J. Botík, P. Slavkovský. T. 1. [Bratislava]: Veda, 1995. S. 44.*

¹¹ *Санникова О.В., Усачева В.В. Богинка // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 1. М.: Международные отношения, 1995. С. 215.*

¹² *Kolanowska K. Demonologia // Kultura ludowa Górali Spiskich / pod red. U. Janickiej-Krzywdy. Kraków: Centralny Ośrodek Turystyki Górskiej PTTK, 2012. S. 305.*

¹³ *Pełka L.J. Polska demonologia ludowa. Warszawa: Iskry, 1987. S. 93.*

¹⁴ *Budziszewska W. Polskie nazwy zmór i niektóre wierzenia z nimi związane // Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej. T. 27. 1991. S. 20.*

¹⁵ *Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska. T. 1. S. 44.*

солнца богини стирали на реках, стуча пральниками (окр. Стара Любовня); маленькая лохматая девочка с мягким телом, потому что у нее нет костей (*же ані кості немає*). Когда она летела над лесом, поднимался сильный ветер¹⁶. Отсутствие костей у одной из ипостасей богини сопоставимо с образом болгарского вампира, которого представляли в виде мешка с кровью и без костей.

У гуцулов и бойков термина не обнаружено¹⁷, а укр. *богиня* — демоническое существо в виде безобразной старой бабы с нечеловеческой величины грудями, которыми она укрывается во время сна и использует их как валец для стирки; живет в ярах, лесных чащах, на берегах рек; крадет новорожденных, вместо которых подкидывает своих гадких и непослушных, — известна лишь на украинско-польском пограничье (Холмщина и Подляшье)¹⁸ и, очевидно, заимствована из польской традиции.

Названия демона *богинка* в польско-словацком карпатском поясе включают формы *bogińa* / *bohîńa* / *bohyńa*, а также *boginka* / *bohinka* / *bohyńka*. Термин *богинка* осознается как диминутив от *богиня* — видимо, в связи с понижением статуса персонажа до демонического. Формы употребляются как синонимичные. Лешек Мошиньский считал *bogyńi* кирилло-мефодиевским неосемантизмом, использовавшимся для обозначения языческих божеств и позже вошедшим в отдельные славянские языки; также Казимеж Мошиньский допускал, что пол. *bogina*, *boginka* следует переводить как ‘ведьма’¹⁹.

При этом в чешско-словацком и карпатоукраинском ареалах (но не в польском) термины с корнем *boh-* (а также *bog-*) задействованы при номинации знахарей и предсказателей, т. е. языческих ведунов и провидцев: чеш., морав. *bohyně*, чеш. *bohynnik*, морав. *boh*, *bûh*, *bohoň*, *bohyňář*, словац. *bohyňa*, *boh*, *zemský boh*, *bogiňa*, карп.-укр. *бог*, *біг*, *земний бог*. Среди них не встречаются названия с суффиксом *-k-*, т. е. термин *boginka* / *bohinka* обозначает только МП.

Поэтому есть основания развести формы типа *bogińa* и *boginka*, различные как формально, так и семантически²⁰. Диминутивность термина *boginka* может оказаться обманчивой, следствием простого совпадения континуантов этимологически разных корней, если для *богинки*, которая хватает детей и убегает с ними в лес, в качестве этимона предложить индоевропейский корень *b^heg^u-* ‘бежать’, продолжениями которого являются ст.-сл. *běžati* ‘бежать’, лит. *bėgti* ‘убегать’, *bėgas*, *bėgis* ‘бег, побегание’,

¹⁶ Вархол Н. Жінка-демон в народному повір'ї українців Східної Словаччини // Науковий збірник Музею української культури у Свиднику. 1982. Т. 10. С. 276.

¹⁷ Хобзей Н. Гуцульська міфологія. Етнолінгвістичний словник. Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2002; Войтович Н. Народна демонологія Бойківщини. Львів: Сполом, 2015.

¹⁸ Конєва Я. Хтонічний світ холмщаків та підляшуків // Холмщина і Підляшшя. Історико-етнографічне дослідження. Київ: Родовід, 1997. С. 315.

¹⁹ *Dźwigoł* R. *Polskie ludowe słownictwo...* S. 171.

²⁰ Так сделано и в: *Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska*. Т. 1. S. 44.

а с продленной ступенью — каузатив *boginù, boginti* ‘тащить что-то, волочить’²¹. Именно этот глагол — *boginti* — мог стать производящим на балто-славянской территории для названия существа, утаскивающего детей. Кроме того, Вацлав Блажек приводит древнегреческие континуанты этого индоевропейского корня, в семантике которых заложены потенциальные мифологические значения, всегда сопряженные со сферой страшного: *φόβος* ‘страх, ужас; (паническое) бегство’, *φοβέω* ‘пугать, устрашать; в страхе бежать’. Такой же корень — *bog-* — имело и название реки Южный Буг: др.-рус. *Богъ*, у Константина Багрянородного *Βογούδ*, этимологически из **b^heg^{u-}/*b^hog^{u-}* ‘бежать’²². Использование индоевропейского корня со значением ‘бежать’ для номинации водных объектов не противоречит и даже поддерживает возможность использования его в названиях демонических существ, живущих у реки, стирающих по ночам, шлепая по воде вальками-грудами. Эта версия происхождения термина *богинка* также предполагает, что в Карпатах термин распространился, попав туда с польской языковой территории. О древнем происхождении демониума свидетельствует наличие множества фонетических вариантов наименования, в том числе формы с префиксом *u-*: *ubogini, ubogenka, ubyhyuna*, еще раз подтверждающие версию названия богинки как «хватающей и убегающей».

2. *Гуслярка*. Производное от общеславянского **gǫslb, *gǫsli*, мифологическое значение которого известно лишь в севернокарпатском регионе, а также в северной Польше и в Лужице: словац. горал. *gušlorka* ‘ведьма, колдунья’ (окр. Наместово)²³; *gušlarka* ‘ведьма’ (Остурня)²⁴; а также: *gušlit’* ‘гадать, предсказывать будущее’ (Бобров, окр. Наместово)²⁵, *gusto* ‘магия’ (Остурня)²⁶. Пол. *guślarz, guślarka, guślorka, guślorz, guś(l)nica*, кашуб. *guslãr, guslãrka, guslin, guslinka, guselńik, guselńica*²⁷, келец. *guślica*²⁸ и другие слова с тем же корнем: *guślic’* ‘чаровать, колдовать’, *gusla* ‘чары, заклинания и связанные с ними обряды’, кашуб. коцев. *gusla, gusva* ‘колдовство, чары’²⁹ и др. Н.-луж. *guslowař* ‘колдун’, *guslowaś* ‘колдун, заговаривающий болезни, напускающий чары’³⁰, *guslowaś* ‘чаровать, заговаривать болезни; играть на скрипке’³¹.

²¹ Blažek V. K pramenům řek indoevropských // *Vesper Slavicus: Sborník k nedožitým devadesátinám prof. Radoslava Večerky* / ed. P. Malčík. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2018. S. 70.

²² Ibid.

²³ Grigel M. Goralské nářečie. Slovník. Námestovo: Štúdio F, František Teťák, 2004. S. 162, 404.

²⁴ Blagojeva-Neumanová T. Ľudová démonológia na Zamagurí v kontexte a koreláciách s démonologickými predstavami východných, južných a západných slovanov. Rigorózná práca. Bratislava, 1976. S. 137.

²⁵ Slovník slovenských nářečí / ved. red. I. Ripka. Bratislava: Veda, 1994. T. 1. S. 525.

²⁶ Полевые материалы автора статьи.

²⁷ Dźwigoł R. Polskie ludowe słownictwo... S. 76.

²⁸ Ibid. S. 47.

²⁹ Ibid. S. 5.

³⁰ Ibid. S. 76.

³¹ Ibid. S. 48.

В этом ряду русин. *гушлярка* ‘ведьма’ (Остурня)³² при отсутствии в других восточнославянских традициях выглядит западнославянским заимствованием.

Этимологически эти термины восходят к праслав. **gṛsti* ‘играть на музыкальном инструменте’, в дальнейшем — ‘очаровывать музыкой’, ‘ворожить, чаровать’, т. е. играть при заговаривании болезней, вводить с помощью музыки в состояние экстаза³³.

3. **Баба-Яга.** Персонаж и его имя демонстрируют четкое диалектное членение славянской территории на западно- и восточнославянскую (оставляем в стороне южнославянские языки, в которых соответствующая лексика отличается по семантике).

Так, в русской и белорусской традиции термин имеет корневое -г- при чередовании в анлайте *а-я/-е/-о/-и/-ю-*. Значение — ‘баба Яга’, реже ‘ведьма’ или ‘дочь ведьмы’: рус. *Яга, Ягая баба, Ягабиха, Ягабова, Ягиха, Ягишна*³⁴; *Ага-гнишна, баба-ягиба, ягастая, баба-ига, баба-ога, огабова, баба-ляга*³⁵; *Ега-баба, ёгабовна, егй-баба, егйбиха, егйбоба*³⁶, рус. смолен. *Баба-юга*³⁷ и др.; бел. *Баба Яга, Ягiня, Юга*³⁸, *ягá, ба́ба игá*.

В западнославянских языках представлены только корневые *z, dz, ž*, с назальными или неназальными гласными (формы с компонентом *jaga* считаются русскими культурными заимствованиями), значение — ‘колдунья, ведьма’, ‘злая, сварливая, неопрятная женщина’: словац. *ježibaba, jeňzibaba, endžibaba, hendžibaba*³⁹, *jindžibaba* (Замагурье)⁴⁰; др.-чеш. *jěžě, jěžěnka*, чеш. *jezinka*, ляхск. *jaza* ‘о злой женщине’, *ježibaba, jedi*⁴¹; пол. *baba jędza, jedza, idza, jędzona (baba), jędzybaba*⁴², *indzibaba, jindza*⁴³, кашуб. *jaža, jąža, jįža, jažėbaba, babojędza* и др.⁴⁴

³² Вархол Н. Жінка-демон... С. 290.

³³ *Dźwiгоł R. Polskie ludowe słownictwo...* S. 48.

³⁴ Власова М. Новая АБЕВЕГА русских суеверий. СПб.: Северо-Запад, 1995. С. 369.

³⁵ Новичкова Т.А. Русский демонологический словарь. СПб.: Петербургский писатель, 1995. С. 28.

³⁶ Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин. Вып. 8. Л.: Наука, 1972. С. 315-316.

³⁷ Добровольскій В.Н. Смоленскій областной словарь. Смоленск: Типография П.А. Силина, 1914. С. 18.

³⁸ Беларуская міфалогія: энцыклапедычны слоўнік / склад. І. Клімковіч. Мінск: Беларусь, 2004. С. 34.

³⁹ *Slovník slovenských nářečí...* T. 1. S. 726-727.

⁴⁰ *Blagoeva-Neumanová T. Ludová démonológia...* S. 137.

⁴¹ *Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. Fotoreprint podle 3. vydání z roku 1971. Praha: Lidové noviny, 2010. S. 225.*

⁴² Санникова О.В. Польская мифологическая лексика в этнолингвистическом и сравнительно-историческом освещении: дис. ... канд. филол. наук. М., 1990. С. 91, 100.

⁴³ *Kąś J. Ilustrowany leksykon gwary i kultury podhalańskiej. T. 4. Kraków: Astraia, 2017. S. 146, 310.*

⁴⁴ *Dźwiгоł R. Polskie ludowe słownictwo...* S. 80.

Переходный пояс представляют украинские говоры — и с корневым *-z-*, и с *-z-*: *язá, язiбаба*⁴⁵, *язя, язi-баба*⁴⁶, галицко-рус. *язя*⁴⁷; гуцул. *язя*⁴⁸.

У русин Словакии регулярно корневое *-ж-* (*-ž-*): русин. *гiнжiбаба* ‘баба Яга’⁴⁹, чаще в значениях, близких к западнославянским — ‘ведьма, дикая баба’: *сжибаба, (h)indžibaba, сжибаби* — страшные носатые бабы, живущие в скалах, по функции аналогичные *дикой бабе*; как и богинки, крали на полях горох, их ловили в единственный сапог; они могли научить людей пользоваться полезными свойствами растений (Тихий Поток, окр. Прешов)⁵⁰. Используют тайную речь (с добавлением перед каждым слогом частицы *не-* или заимствованных формантов); крадут здоровых человеческих детей, подкидывая своих, уродливых⁵¹. Гинджибабой пугали детей: *Гинджибабу са дiти пуджали, в лiсi маe хижу, а приiде — маe метлу, приде на метлi а тя возьме* (Убля)⁵².

И лишь изредка в русинских и лемковских островных ареалах встречается термин в «русской» огласовке — *Baba Jaga*: «Давно, давно это было, так говорили, или так назывались или Бабы Яги (*Babe Jagi*), или, скорее, это была ведьма (*strzyga*), или дикая женщина (*dziwozona*), или босорка (*bosiorka*). Они жили на горах, около того леса» (Недзица, польский Спиш)⁵³. Термин *baba jaga*⁵⁴ зафиксирован также в Подгалье, где проходила валашская колонизация и заметно восточнославянское влияние.

4. Русинская *мамона* — «женский МП, заимствованный из польской традиции»⁵⁵, с чем нельзя не согласиться.

Мамуна, мамона — МП, вредящий беременным женщинам, роженицам и новорожденным младенцам; известен преимущественно в польской народной демонологии (частично — в карпатоукраинских и восточнословацких верованиях); по ряду признаков сближается с богинкой⁵⁶.

В Малопольше богинки назывались *тамона, тамуна, татqна* и т. п. В Ленчицком повете *тамуна* — это злой дух, показывающийся только в полдень и похищающий детей с поля⁵⁷.

⁴⁵ Гринченко Б. Словарь украинского языка, собранный редакцией журнала «Киевская старина». Т. 4. Киев, 1909. С. 535, 537.

⁴⁶ Этимологический словарь... Вып. 6. 1979. С. 68.

⁴⁷ Потебня А.А. Символ и миф в народной культуре. М.: Лабиринт, 2000. С. 161, прим. 4.

⁴⁸ Хобзей Н. Гуцульська міфологія... С. 199.

⁴⁹ Керча И. Словник русинсько-руський. Ужгород: ПолиПринт, 2007. Т. 1, 2. С. 163.

⁵⁰ Вархол Н. Жінка-демон... С. 277.

⁵¹ Там же. С. 278.

⁵² Полевые материалы автора статьи.

⁵³ Kolanowska K. Demonologia... S. 305.

⁵⁴ Kąś J. Ilustrowany leksykon... Т. 1. S. 144.

⁵⁵ Вархол Н. Жінка-демон... С. 276.

⁵⁶ Виноградова Л.Н. Мамуна, мамона // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общей ред. Н.И. Толстого: в 5 т. Т. 3. М.: Международные отношения, 2004. С. 176–177.

⁵⁷ Dźwigoł R. Polskie ludowe słownictwo... S. 164.

Словацкий термин имеет другие значения: *tatuna* ‘страшилище’⁵⁸, *tatuna* (вост.-словац.) ‘привидение, страшилище’⁵⁹; *tatuna* — злой дух, покаянная душа (*duša na rokičie*), которая не имеет покоя и блуждает по свету (Замагурье)⁶⁰. Кроме того, в рассматриваемом регионе словацкая *tatuna* — ночной дух, который давит на человека во сне, человек как будто кричит, но его не слышно; никто не знает, что это такое (Велька Лесна, окр. Стара Любовня)⁶¹. *Мамунами* становились женщины, умершие без очищения; они вредили роженицам (Вост. Словакия)⁶².

В русинских быличках мамуной (какой-то нечистой силой) называли выведенного из яйца демона-обогапителя: *То мамуна якаси, то не же зо шьватого было зробене, але то была якасы мамуна наробена* (Страняны, окр. Стара Любовня)⁶³. Производный глагол имеет значение ‘водить, заставлять плутать’: *ze ked dakto v lese ze mamunilo, ze sla ta Jendraskova, ze zabludila, ze mamunilo* [что когда кто-нибудь в лесу, то может мамунить, и шла та Ендраскова, и заблудилась, мамунило ее] (Остурня)⁶⁴. В лемковских говорах зафиксированы: *мамуна* ‘закрытая, замаскированная фигура’, *мамунка* ‘кукла’⁶⁵. Налицо размытость, большая вариативность образа мамуны у русин, аналогичная неопределенности мамуны у словаков.

5. Персонаж *mara / mora* чрезвычайно популярен в словацкой мифологии. Широко распространена *mora (zmora, mara)* и на польской территории. В обеих западнославянских традициях МП обозначает душу живого человека, выходящую по ночам и вредящую обидчику; душу умершего человека (в том числе ведьмы), обрабатывающего на земле свои грехи. Мара / мора / змора душит спящих, давит, садясь на грудь, сосет у них кровь или молоко из груди⁶⁶.

У русин персонажа с таким именем и набором функций нет. Основную функцию моры — давить, душить во сне — взяли на себя ведьма (*sotona*), домовый черт (демон-обогапитель), упырь. Сам физиологический феномен ночного удушья известен: *Было такой — же ай мені са стало — же наприклад ня в ночи дусить, неможете са ані обернути, ані гнути... але то у спанню так ся приїде, же то чоловік не може ані ся пробудити, а то ці дух, ці шо... Не знаву, ці то справді приїде такі дух мертвий, же ту сяде,*

⁵⁸ Kálal K., Kálal M. Slovenský slovník z literatúry aj nárečí. Slovensko-český diferenciálny. V Banskej Bystrici: Tlačou Slovenskej Grafie, 1923. S. 322.

⁵⁹ Slovník slovenských nárečí... T. 2. 2006. S. 119.

⁶⁰ Blagojeva-Neumanová T. Ludová démonológia... S. 114.

⁶¹ Archív textov Ústavu Etnológie SAV, Bratislava, inv. č. 700.

⁶² Slovensko. Ľud / ved. red. B. Filová, J. Mjartan. Bratislava: Obzor, 1975. Časť 2. S. 1029.

⁶³ Вархол Н. Народна демонологія українців Словаччини. Svidník: Tlačiareň svidnicka, s.r.o., 2017. С. 377.

⁶⁴ Полевые материалы автора статьи.

⁶⁵ Хобзей Н. Гуцульська міфологія... С. 124.

⁶⁶ Dźwigoł R. Polskie ludowe słownictwo... S. 56-57.

то не можете сами гнути ані ся пробудити, а чути, же дусит, же... то так мі є. Бог зна, шо то (Руский Грабовец)⁶⁷. Однако это состояние не связывают с деятельностью моры как демона. На прямой вопрос, что же давило ночью во сне, отвечали: *Прилягло ня дащо, прилягать го дащо в ночи. Або: якась мара́ на ня пришла. Шось нечистой ня прилягать* (Убля)⁶⁸; *Но таке трапить... ходить, же ночну мору має* (Руский Поток)⁶⁹. Но значение это обезличенное, близкое к значению в лемковском: *Кажут: «Бодай те мара взяла», — але не знают, що то є? Слабість яка, чи що?* (пов. Рава Русская, ныне Львовская обл)⁷⁰.

Лексема *мара* известна и в составе проклятия: *То є така лайка: «Мара бы тя взяла!»* (Руский Грабовец)⁷¹, и в других фразеологических сочетаниях: *Яка мара тя ту принесла? Або кедь ішов такі чоловік: «То шо за мара іде?»* (Убля)⁷².

У словацких русин сохранилось понимание *мары* как привидения, того, что давит, морочит, кажется, является, свойственное украинской и другим восточнославянским традициям, ср.: укр. *мара* ‘привидение, дух’, бел. *мара* ‘привидение, тяжелый сон, кошмар; тень, душа мертвеца’, рус. *мара* ‘морок, искушение, наваждение’⁷³ — в соответствии с о.-слав. **mara* ‘призрак, привидение, наваждение, обман чувств, морок, болезнь’.

В западноукраинских говорах выкристаллизовываются значения ‘нечистая сила вообще’, ‘черт’, ‘ведьма’, у галицких лемков *марник* ‘бес’ и далее у лемков *мара* ‘черт’⁷⁴.

Но ни таких ярких словацких или польских мотивов, как посещение *марой* ночью людей, проникновение в дом через замочную скважину, выворачивание своих внутренностей перед дверью, ни многочисленных способов защиты от *мары*⁷⁵ у русин не отмечено. Только в Остурне, которая считается самым западным русинским селом, *mara* похожа на словацкий персонаж: [Мара, ну когда-то говорили, что мара какая-то ходила и наваливалась на людей ночью. — [А что это, мара?] — Откуда мне знать? Я не знаю. И на меня наваливалась. — И крестик такой сделала тут, на рубашке... — Да, потом крестик сделала эта мара, так говорили, я не знаю. [А какого цвета крестик?] — Черный, такой черный. Старые женщины так рассказывали. Раз так ходила и всё наваливалась. А потом то ли ей священник дал, или как это было... купила замок, такой, не закрытый. А потом, когда

⁶⁷ Полевые материалы автора статьи.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Санникова О.В. Польская мифологическая лексика... С. 149.

⁷¹ Полевые материалы автора.

⁷² Там же.

⁷³ Хобзей Н. Гуцульська міфологія... С. 126–127.

⁷⁴ Там же. С. 126.

⁷⁵ См.: Archív textov ÚEt SAV... inv.č. 168, 763, 803.

мара на нее навалилась, этот замок надо было замкнуть, и она туда попала, в этот замок, и потом уже больше не ходила] (Остурня)⁷⁶.

6. Русинская **яскыня** — красивая девушка со светлыми длинными волосами, жила в пещере, показывалась в солнечный день, вреда не причиняла (окр. Снины, Бардеёва)⁷⁷. Является, по-видимому, собственно русинским персонажем, имя которого образовано от русин. *яскыня* ‘пещера’ < словац. *jaskyňa* ‘то же’, «опознанного» в духе народной этимологии как название МП с суффиксом *-yňa* и сближенного со словами: *яскравый* ‘яркий’, *яскри-тисця* ‘искриться, сверкать, блестеть’. Само словац. *jaskyňa*, чеш. *jeskyně*, пол. *jaskinia*, укр. диал. *яскиня* ‘пещера’ — праслав. **askyni* — типичный западнославянский элемент лексики с древним суффиксом *-yni*; зап.-укр. диал. *яскіня*, по-видимому, является заимствованием из словацкого или польского⁷⁸.

Примеров взаимных влияний между тремя традициями рассматриваемого региона, конечно, гораздо больше. Без подробного разбора упомяну хотя бы русинскую *дику бабу*, которая при восточнославянском оформлении адъектива обозначает в целом западнославянского персонажа типа словац. *diva ženka*. Образ и имя русалки — русинский экспорт в восточные регионы Польши и Словакии. Вост.-словац. *veternica*, хоть и с другой семантикой (это одно из названий ведьмы), заимствована у русин, ср.: *ветерница*, *вітерница*. Восточнославянским влиянием обусловлено появление в восточнословацких микроареалах персонифицированных календарных праздников *Савы* и *Варвары* (иногда одного — *Савы-Варвары*), обрастающих поверьями и быличками. Подгалянское название ведьмы *matôha*, *matocha*, *matôga* — заимствование из словацкого *mátoha* ‘страшилище’⁷⁹ и др.

В целом можно сказать, что, несмотря на наличие яркой и специфической собственно карпатской демонологии, в карпатском регионе отчетливо различаются национальные демонологии — польская, словацкая и русинская. И они не сильно смешиваются, не часто заимствуют друг у друга имена и МП. Влияние русин распространяется в Польше и Словакии преимущественно в областях непосредственного контакта, где жили или до сих пор живут русины и гуралы, т. е. в горных карпатских регионах. Словацкое и польское влияние на русинскую демонологию более заметно, поскольку реализуется прежде всего на уровне лексики.

Как писал Н.И. Толстой, «лингвистическая непрерывность, т.е. зоны переходных говоров, наблюдаются в современной Славии лишь в пределах отдельных славянских языковых групп: восточнославянской, южнославянской, западнославянской. <...> Характерно, однако, что переходных гово-

⁷⁶ Полевые материалы автора статьи.

⁷⁷ Вархол Н. Жінка-демон... С. 282; Она же. Народна демонологія... С. 54.

⁷⁸ Этимологический словарь... Вып. 1. 1974. С. 81–82.

⁷⁹ *Dźwigoł R. Polskie ludowe słownictwo... С. 84.*

ров между отдельными группами славянских языков — южно-, западно- и восточнославянских — нет»⁸⁰. То же можно сказать и о демонологии. Действительно, даже многовековое проживание русин на западнославянской территории, бок о бок с поляками и словаками, не нарушило собственно восточнославянской основы языка и традиционной культуры. Несмотря на заимствование отдельных терминов, элементов поверий, нарративов, русины не потеряли яркой самобытности и в свою очередь экспортировали соседям ряд своих культурных особенностей. Не создав переходного пояса в этнолингвистическом отношении, русины конституировались как отдельный народ, сохранив свои диалекты как в языке, так и в культуре.

Литература

- Вархол Н.* Жінка-демон в народному повір'ї українців Східної Словаччини // Науковий збірник Музею української культури у Свиднику. Т. 10. 1982. С. 275–302.
- Вархол Н.* Народна демонологія українців Словаччини. Svidník: Tlačiareň svidnícka, s.r.o., 2017.
- Виноградова Л.Н.* Мамуна, мамона // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общей ред. Н.И. Толстого. Т. 3. М.: Международные отношения, 2004. С. 176–178.
- Власова М.* Новая АБЕВЕГА русских суеверий. СПб.: Северо-Запад, 1995.
- Войтович Н.* Народна демонологія Бойківщини. Львів: Сполом, 2015.
- Дронов М.Ю.* Лемки и Лемковщина. Страницы истории и культуры самой западной Руси // Вестник Юго-Западной Руси. 2006. № 1. С. 91–103.
- Конєва Я.* Хтонічний світ холмшчаків та підляшуків // Холмщина і Підляшшя. Історико-етнографічне дослідження / відп. ред. В. Борисенко. Київ: Родовід, 1997. С. 310–315.
- Потебня А.А.* Символ и миф в народной культуре. М.: Лабиринт, 2000.
- Санникова О.В.* Польская мифологическая лексика в этнолингвистическом и сравнительно-историческом освещении: дис. ... канд. филол. наук. М., 1990.
- Санникова О.В., Усачева В.В.* Богинка // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 1. М.: Международные отношения, 1995. С. 215–217.
- Скорвид С.С.* Русинский язык // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2017). URL: <https://bigenc.ru/linguistics/text/3520873> (дата обращения: 16.10.2020).
- Толстой Н.И.* О соотношении центрального и маргинальных ареалов в современной Славии // *Толстой Н.И.* Избранные труды. Очерки по славянскому языкознанию. Т. 3. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 10–30.

⁸⁰ *Толстой Н.И.* О соотношении центрального и маргинальных ареалов в современной Славии // *Толстой Н.И.* Избранные труды. М.: Языки русской культуры, 1999. Т. 3: Очерки по славянскому языкознанию. С. 12.

- Blagoeva-Neumanová T.* Ludová démonológia na Zamaguri v kontexte a koreláciách s démonologickými predstavami východných, južných a západných slovanov. Rigorózna práca. Bratislava, 1976.
- Blažek V.* K pramenům řek indoevropských // *Vesper Slavicus: Sborník k nedožitým devadesátinám prof. Radoslava Večerky* / ed. P. Malčík. Praha: Lidové noviny, 2018. S. 59–80.
- Budziszewska W.* Polskie nazwy zmór i niektóre wierzenia z nimi związane // *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*. T. 27. 1991. S. 17–23.
- Dźwigoł R.* Polskie ludowe słownictwo mitologiczne. Kraków: Wydawnictwo naukowe Akademii pedagogicznej, 2004.
- Kolanowska K.* Demonologia // *Kultura ludowa Górali Spiskich* / pod red. U. Janickiej-Krzywydy. Kraków: Centralny Ośrodek Turystyki Górskiej PTTK, 2012. S. 299–310.
- Kyrály P.* Maďarské a nemecké slová vo východoslovenských a ukrajinských nárečiach Východného Slovenska // *Studia Russica XXIII*. 2009. S. 55–80.
- Moszyński K.* Niektóre przyczyny zróżnicowania kultury ludowej w Polsce // *Lud słowiański. Pismo poświęcone dialektologii i etnografii Słowian*. T. 4. 1938. S. 65B–117B.
- Pelka L.J.* Polska demonologia ludowa. Warszawa: Iskry, 1987.
- Slovensko. Lud / ved. red. B. Filová, J. Mjartan. Bratislava: Obzor, 1975. Časť 2.
- Smoleński J.* Łemkowie i Łemkowszczyzna // *O Łemkowszczyźnie* / pod red. W. Gotetla. Odbitka z XIII rocznika “Wierchów”. Kraków: Towarzystwo Tatrzańskie w Krakowie, 1935. S. 6–13.

References

- Blagoeva-Neumanová, T., 1976. *Ludová démonológia na Zamaguri v kontexte a koreláciách s démonologickými predstavami východných, južných a západných slovanov*. Rigorózna práca. Bratislava.
- Blažek, V., 2018. K pramenům řek indoevropských. In: Malčík, P., ed., 2018. *Vesper Slavicus: Sborník k nedožitým devadesátinám prof. Radoslava Večerky*. Praha: Lidové noviny, pp. 59–80.
- Budziszewska, W., 1991. Polskie nazwy zmór i niektóre wierzenia z nimi związane. *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*, XXVII, pp. 17–23.
- Dronov, M.Iu., 2006. Lemki i Lemkovshchina. Stranitsy istorii i kul'tury samoi zapadnoi Rusi [Lemkos and Lemkoland. Pages of history and culture of the most Western Rus']. *Vestnik Iugo-Zapadnoi Rusi*, 1, pp. 91–103.
- Dźwigoł, R., 2004. *Polskie ludowe słownictwo mitologiczne*. Kraków: Wydawnictwo naukowe Akademii pedagogicznej.
- Filová, B., Mjartan, J., eds, 1975. *Slovensko. Lud*. Bratislava: Obzor, part II.
- Kolanowska, K., 2012. Demonologia. In: Janicka-Krzywda, U., ed., 2012. *Kultura ludowa Górali Spiskich*. Kraków: Centralny Ośrodek Turystyki Górskiej PTTK, pp. 299–310.
- Konieva, Ia., 1997. Khtonichniy svit kholmshchakiv ta pidliashukiv. In: Borisenko, V., ed., 1997. *Kholmshchyna i Pidliashshia. Istoryko-etnografichne doslidzhennia*

- [Kholmshchyna and Pidliashshia. Historical and ethnographic research]. Kiev: Rodovid, pp. 310–315.
- Kyrály, P., 2009. Maďarské a nemecké slová vo východoslovenských a ukrajinských nárečiach Východného Slovenska. In: Jászay, L., Zoltán, A., eds, 2009. *Studia Russica XXIII*. Budapest: ELTE, pp. 55–80.
- Moszyński, K., 1938. Niektóre przyczyny zróżnicowania kultury ludowej w Polsce. *Lud słowiański. Pismo poświęcone dialektologii i etnografii Słowian*, 4, pp. 65B–117B.
- Pełka, L.J., 1987. *Polska demonologia ludowa*. Warszawa: Iskry.
- Potebnia, A.A., 2000. *Simvol i mif v narodnoi kul'ture* [Simbol and myth in the folk culture]. Moscow: Labirint.
- Sannikova, O.V., 1990. *Pol'skaia mifologicheskaja leksika v etnolingvisticheskom i sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii* [Polish mythological lexics in ethno-linguistic and comparative historical aspect]. Dis... kand. filol. nauk. Moscow: Institute of Slavic and Balcanic Studies.
- Sannikova, O.V., Usacheva, V.V., 1995. Boginka [Boginka]. In: Tolstoj, N.I., ed., 1995. *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'. V 5-ti tomakh* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary. 5 volumes]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, vol. 1, pp. 215–217.
- Skorvid, S.S., 2017. Rusinskii iazyk. In: *Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia. Elektronnaia versiia* [Big Russian Encyclopedia. Electronic version]. URL: <https://bigenc.ru/linguistics/text/3520873> (accessed: 16.10.2020).
- Smoleński, J., 1935. Łemkowie i Łemkowszczyzna. In: Goetl, W., 1935. *O Łemkowszczyźnie. Odbitka z XIII rocznika "Wierchów"*. Kraków: Towarzystwo Tatrzańskie w Krakowie, pp. 6–13.
- Tolstoj, N.I., 1999. O sootnoshenii tsentral'nogo i marginal'nykh arealov v sovremennoi Slavii [On the ratio of the central and marginal areals in modern Slavia]. In: Tolstoy, N.I., 1999. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury. Vol. 3: *Ocherki po slavianskomu iazykoznaniiu* [Essays on Slavic linguistics], pp. 10–30.
- Varkhol, N., 1982. Zhinka-demon v narodnomu povir'í ukraintsiv Skhidnoi Slovachchyny [The woman-demon in the folk beliefs of the Ukrainians of Eastern Slovakia]. *Naukovyi zbirnyk Muzeiu ukrains'koi kul'tury u Svydnyku*, 10, pp. 275–302.
- Varkhol, N., 2017. *Narodna demonolohiia ukraintsiv Slovachchyny* [Folk demonology of the Ukrainians of Slovakia]. Svidník: Tlačiareň svidnícka, s.r.o.
- Vinogradova, L.N., 2004. Mamuna, mamona. In: Tolstoj, N.I., ed., 2004. *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar' v 5-ti tomakh* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary. 5 volumes]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, vol. 3, pp. 176–178.
- Vlasova, M., 1995. *Novaia ABEVEGA russkikh sueverii* [New ALFABET of Russian beliefs]. Saint Petersburg: Severo-Zapad.
- Voitovych, N., 2015. *Narodna demonolohiia Boikivshchyny* [Folk demonology in Boykovshina]. Lviv: Spolom.